

не мог бросить ребят, бившихся в окружении. Теперь Игорь и Володя не могли бросить его. У них еще оставалась надежда: может, командир жив, а информация о его гибели не точна. К тому же боевики постоянно засоряли радиоэфир своими угрозами, провокационными выпадами.

О том, что произошло дальше, рассказывает кавалер ордена Мужества полковник запаса Игорь Гудков: «Утром 16 декабря мы обратились к руководителю Главного управления оперативного штаба МВД РФ полковнику Никитину: «Надо что-то делать!». Он резко осадил нас: мол, сидите и не дергайтесь, будет операция по деблокированию комендатуры. Однако шло время, и никаких решительных мер не принималось. Мы с Володей Ласточкиным собрали командиров СОБРов, спросили, готовы ли они пробиваться с нами в Гудермес? Мы не скрывали от них: «Команды на прорыв нет, возможно, будут жертвы». Договорились выезжать на броне утром 17 декабря. Наверное, информация об этом стала известна начальству, поскольку в Ханкалу на следующее утро никто не подъехал. И тогда мы с Володей Ласточкиным и десятью офицерами Екатеринбургского СОБРа выдвинулись в Гудермес.

В пути на майора Ласточкина по радиостанции несколько раз выходил полковник Никитин, в жесткой форме требовал вернуться назад. Владимир говорил мне: «Меня тормозят». Я отвечал: «Володя, ты сам убедил меня ехать за нашим командиром. Какая нам теперь обратная дорога?». Он соглашался: «Конечно, вперед». При следовании мимо «зеленки» нас несколько раз обстреляли боевики, не причинив вреда. Нас не остановило и предупреждение капитана-десантника об опасности прорыва в Гудермес. Остановила водная преграда, то есть небольшая река на пути к господству-

ющей высоте, на которой находился батальон внутренних войск. Дождаться вечера и переправляться через нее в темное время — это уже рисковать людьми, на что я права не имел. Владимир с моими доводами согласился. Мы вернулись в Грозный, где полковник Никитин устроил нам жесткий «разбор полетов». Он сказал: «Дайте мне слово, что ребят трогать не будете». Мы обещали: «Ребят больше трогать не будем».

Но мы не обещали того, что лично не будем предпринимать попытку прорыва в Гудермес. На 21 декабря был запланирован «борт» на Екатеринбург, командировка нашего СОБРа завершалась. Неужели погибший Леонид Григорьевич Валов (о его смерти мы уже имели точную информацию) останется там, в блокированной комендатуре? Неужели мы вернемся домой без него? Это невозможно представить. Что мы скажем его жене и дочерям? Делом принципа и нашей совести было пробиться в комендатуру. Володя Ласточкин ничего не боялся. Остановить его на какое-то время могли лишь весомые военные аргументы. Я не мог смотреть ему в глаза, когда он говорил: «Ну, ты же «афганец»! Надо что-то делать». А нам ГУОШ все твердили: «Ждите!»

В ПЕРВЫХ РЯДАХ АТАКУЮЩИХ

О том, чем в те драматические дни жили защитники блокированной комендатуры, рассказывает в своей книге Сергей Голубев: «Четвертые сутки непрерывного боя в осажденной комендатуре, в постоянном напряжении. Люди измотаны. Все меньше остается надежды, что к нам вовремя придет помощь. С командирами всех четырех СОБРов все чаще собираемся вместе и выстраиваем планы на выживание.